

ЗАМѢТКИ.

ОДНО ИЗЪ ОТЖИВАЮЩИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Въ числѣ привилегій, дарованныхъ Туркестанскому краю положеніемъ 12 іюня 1886 года, нужно считать одною изъ самыхъ важныхъ—предоставленіе туземному населенію вообще судиться своимъ собственнымъ „народнымъ“ судомъ и въ частности—предоставленіе киргизскому населенію судиться „по адату“, т. е. по обычаю, унаслѣдованному отъ предковъ.

Казалось бы что эта привилегія должна имѣть, въ глазахъ народа, необыкновенно высокую цѣну. Имѣть *свой* судъ—простой, понятный и скорый, безъ гербовыхъ марокъ, безъ пошлинъ, безъ формъ, безъ адвокатовъ и прокуроровъ; подчиняться рѣшеніямъ своихъ же избранниковъ, пользоваться плодами народной мудрости цѣлыхъ вѣковъ—чего бы казалось лучше? Ни *чуждыхъ* и *непонятныхъ* формъ судопроизводства, о которыхъ такъ много говорятъ сторонники народного суда, ни казуистическихъ толкованій, ни десятковъ тысячъ кассационныхъ рѣшеній, ни инстанцій, ни сроковъ—одинъ только здравый смыслъ, единое стремленіе къ правдѣ и истинѣ—вотъ, казалось бы, что долженъ олицетворять себою тотъ патріархальный судъ, который окончательно дарованъ киргизскому и вообще туземному населенію края, положеніемъ 1886 г.

И между тѣмъ нужно признать наличность грустнаго факта: народъ и именно—киргизы недовольны своимъ судомъ; народъ повально жалуется на своихъ же выборныхъ судей, у которыхъ не находятъ ни суда справедливаго, ни суда, основаннаго на обычаяхъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе народъ замѣчаетъ, что старый адатъ исчезаетъ и вмѣсто него является какая-то смѣсь, гдѣ есть

обрывки и шаріата и русскихъ законовъ, но гдѣ главнымъ элементомъ является произволъ. По общему убѣжденію, патріархальное правосудіе прежнихъ временъ все болѣе и болѣе вытѣсняется кривдой, несправедливостью и подкупомъ.

Справедливы ли жалобы и недовольство киргизъ? Къ сожалѣнію—да, и было бы малодушно закрывать глаза предъ печальными фактами и продолжать идеализировать патріархальную прелесть обычнаго суда. Нужно, безъ оговорокъ, признать, что киргизы имѣютъ слишкомъ много причинъ быть недовольными современнымъ состояніемъ своего „народнаго“ суда и жалобы цѣлаго народа раздаются, конечно, не напрасно.

Въ настоящей замѣткѣ представлено положеніе правосудія въ киргизскихъ народныхъ судахъ только одного изъ уѣздовъ Туркестанскаго краѣ, но можно сказать утвердительно, что та же картина повторяется, съ оттѣнками въ лучшую или худшую сторону, во всемъ краѣ, гдѣ только дѣйствуетъ „бій“ или киргизскій народный судья.

Начнемъ съ того, что самый фактъ безчисленныхъ жалобъ на бійскій судъ не подлежитъ сомнѣнію. Обиженныхъ бійскимъ правосудіемъ слишкомъ много, чтобы еще требовались какія либо подтвержденія этого факта. Эти обиженные ходятъ отъ уѣздныхъ начальниковъ къ губернаторамъ, отъ губернаторовъ къ генераль-губернатору; они не пропускаютъ ни проѣзжихъ сановниковъ, ни лицъ, имѣющихъ, по ихъ понятіямъ, какую либо власть, а въ послѣднее время всѣ эти обиженные возлагаютъ всѣ свои упованія на энергію и бдительность вновь введеннаго прокурорскаго надзора ¹⁾. Жалуются эти обиженные и на кривосудъ и на несправедливость и на отступленіе отъ адата; жалуются на подкупъ, на медленность, на взятки и, если всѣ тѣ большія и малыя особы, къ которымъ обращаются обиженные, могутъ понять жалобы на кривосудъ и явную несправедливость, то увы! при наилучшихъ даже желаніяхъ ни губернаторы, ни проѣзжіе сановники, ни сами даже прокуроры, не могутъ не только удовлетворить, но и хорошенько уяснить себѣ, въ чемъ именно заключаются тѣ нарушенія обычнаго права, на которыя такъ горько и такъ много жалуются

¹⁾ До 1 января 1887 года въ Туркестанскомъ краѣ прокуратуры не существовало.

киргизы. Это обычное право, этотъ „адатъ“, и въ существенныхъ своихъ частяхъ и въ мелкихъ деталяхъ, какъ былъ, такъ и остается или неизвѣстнымъ или, вѣрнѣе, малоизвѣстнымъ и уже только по этому одному, всѣ эти жалобы на поправленіе дѣдовскихъ обычаевъ, не могутъ вызвать никакихъ начальственныхъ мѣропріятій. Начальство только видитъ, что дѣло неладно и, по мѣрѣ усердія и смѣлости, *исправляя* рѣшенія народныхъ судей, все-таки никакими дѣйствительными средствами поправить дѣло не располагаетъ.

Какія же, спрашивается, причины такого положенія дѣла?

Для тѣхъ, кто знакомъ съ краемъ—причины эти ясны. Обычный судъ отжилъ свой вѣкъ и въ этомъ вся суть дѣла. *Во первыхъ*, самъ киргизъ уже не тотъ, какимъ онъ былъ прежде; *во вторыхъ*, народный судья или бій совсѣмъ не тотъ, какимъ онъ былъ 25 лѣтъ назадъ, какимъ его понимали составители положенія 1867 г. ¹⁾, и *въ третьихъ*, самый народный судъ теперь не тотъ, какимъ онъ былъ во времена чисто кочеваго состоянія киргизъ, когда въ этомъ судѣ дѣйствовалъ только „адатъ“, т. е. обычай, а не та особая смѣсь, въ которой остались изуродованные обрывки адата. Теперь этотъ *обычный* судъ уже только по названію *обычный* и самъ киргизъ, нѣкогда кочевникъ и скотоводъ, прикрѣпился къ землѣ, что называется осѣлъ, и сдѣлался или земледѣльцемъ совсѣмъ, или полужемледѣльцемъ, а вмѣсто бія, прежде приглашаемаго, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по вольному выбору, есть бій правительственный, утвержденный губернаторомъ, украшенный особымъ значкомъ и къ этому-то бію, а не къ тому, которому довѣряютъ судящіеся, хочешь не хочешь—должны обращаться всѣ тѣ, у кого завелись иски и тяжбы.

Если къ этому прибавить, что при самомъ введеніи народнаго суда, еще въ 1867 году, онъ уже былъ, такъ сказать, нѣсколько тронутъ въ своихъ основаніяхъ введеніемъ несвойственной патриархальному правосудію регламентаціи и что, затѣмъ, въ теченіи двадцати лѣтъ, порядокъ, регулировавшій дѣятельность народнаго суда, не разъ подвергался измѣненіямъ, то по соображеніямъ мѣстныхъ чиновниковъ, то по общегосударственнымъ соображеніямъ, то станетъ понятно, какъ этотъ „народный“ судъ далекъ отъ того

¹⁾ Первое положеніе объ управленіи краемъ, извѣстное подъ названіемъ „Проектъ положенія“.

настоящаго народного суда, который былъ извѣстенъ киргизу еще не вышедшему изъ пастушескаго состоянія.

И вотъ, въ результатъ двадцатипятилѣтней дѣятельности этого народного суда, подъ вліяніемъ времени и многихъ сложныхъ причинъ, оказывается не только почти полная утрата обычая, но, что гораздо важнѣе, паденіе правосудія и народъ, въ нѣсколько милліоновъ душъ, тоскливо мечется, отыскивая не столько утраченный адатъ, сколько правый судъ и справедливость.

Возникаетъ вопросъ—какъ все это случилось и что нужно дѣлать?

Двадцать пять лѣтъ назадъ, когда такъ называемая „степная коммисія“ изучала бытъ туркестанскихъ народовъ, киргизское населеніе Ташкентскаго уѣзда ¹⁾ ничѣмъ не отличалось отъ прочихъ своихъ сородичей—Большой и Малой ордъ. Оно вело кочевую жизнь, основанную на примитивныхъ экономическихъ, общественныхъ и семейныхъ началахъ, и управлялось, какъ и повсюду, гдѣ жили киргизы, своими родоначальниками (султанами и мананами).

Въ разрѣшеніи своихъ тяжбъ, споровъ и распрей (у киргизъ не существуетъ различія между уголовными и гражданскими дѣлами) народъ руководился вѣками сложившимися обычаями, или какъ говорится „обычнымъ правомъ“, толкователями и представителями котораго являлись старѣйшіе, почтеннѣйшіе и, непременно, наслѣдственные судьи изъ народа. Хотя, съ теченіемъ времени, султаны захватили въ свои руки также и судебную власть и, вслѣдствіе сего, твердость обычнаго права была нѣсколько потрясена, но въ главныхъ своихъ положеніяхъ обычай оставался неизмѣненнымъ, благодаря лишь твердости представителей народного правосудія, въ лицѣ сказанныхъ наслѣдственныхъ биевъ, преемственно передававшихъ отъ отца къ сыну обычное право, въ возможной чистотѣ.

Въ то время кочевники-киргизы вполнѣ удовлетворялись бійскимъ судомъ, дѣйствовавшимъ, въ главнѣйшихъ чертахъ, во всѣхъ киргизскихъ родахъ однообразно.

Находи такой типъ суда какъ нельзя болѣе пригоднымъ для быта кочевниковъ и усматривая въ немъ даже достоинства, свойственныя судамъ высшей цивилизаціи—устность, гласность, участіе общественной совѣсти—въ формѣ свободнаго выбора судей, степная

¹⁾ До 1887 г. этотъ уѣздъ назывался Кураминскимъ.

коммисія сочувственно отнеслась къ идеѣ сохранить этотъ судъ и впредь, тѣмъ болѣе, что онъ рѣшительно ничего не стоилъ правительству. Такимъ образомъ былъ введенъ или, правильнѣе, оставленъ населенію судъ біевъ.

Кто былъ въ то время въ краѣ, тотъ помнитъ, что не прошло послѣ того и трехъ лѣтъ, какъ въ бійскомъ судѣ обнаружались, по мнѣнію самихъ же властей, столь видимые недостатки, что въ порядкахъ, установленныхъ положеніемъ 1867 года, вскорѣ (1870—1873 г.) были сдѣланы многія измѣненія.

Къ немалому изумленію администраціи обнаружилось, между прочимъ, что народъ сталъ какъ бы чуждаться своего суда. Степная коммисія ¹⁾ стремилась къ тому, чтобы внутреннее управленіе туземнаго населенія, по всѣмъ дѣламъ, не имѣющимъ политическаго характера, было предоставлено самому народу, въ лицѣ его выборныхъ. Коммисія разсуждала, что въ бійскомъ судѣ, въ обычной его формѣ, нѣтъ никакихъ началъ, вредныхъ въ политическомъ отношеніи и, потому, проектировала узаконить этотъ судъ, не регламентируя порядка этого суда по образцу европейскихъ (инстанціи, сроки, рѣшенія на письмѣ и т. д.). Коммисія столь существенно отклонилась отъ обычнаго суда, что замѣтно повліяла на развитіе дурныхъ сторонъ судопроизводства (кляузничество, многописаніе, лжесвидѣтельство, казуистика) — и не прошло и трехъ лѣтъ, какъ сложилось убѣжденіе, не только въ администраціи, но и вообще въ мѣстномъ русскомъ обществѣ, въ непригодности народнаго суда и необходимости его замѣны обыкновеннымъ мировымъ судомъ.

Одно уже стѣсненіе тяжущихся въ свободномъ выборѣ судей, установленное положеніемъ 1867 года, имѣло очень крупное значеніе. По обычаю, спорящіе вольны обращаться къ любому бію въ цѣломъ краѣ, вольны предоставить рѣшеніе дѣла тому бію, которому они болѣе всѣхъ довѣряютъ. Право это очень цѣнилось народомъ и поспорившіе киргизы не лѣнились ѣхать за сотни верстъ искать правосудія у избраннаго бія; но положеніе 1867 г. обязало киргизъ судиться именно у бія своего раіона, да еще у такого бія, который утвержденъ губернаторомъ, да непременно у бія изъ волости отвѣтчика. Установленіе такого порядка затрогивало самое чувствительное мѣсто киргизскаго быта. Кто знаетъ, какъ сильно у киргизъ значеніе „рода“, кто знаетъ, что всякій бій, прежде

¹⁾ На основаніи Высочайше утвержденнаго 11 апрѣля 1867 г. доклада особаго комитета по устройству средне-азіатскихъ владѣній.

всего, покорнѣйшій слуга своихъ родовичей—тому будетъ понятно, что обязательный для истца судъ біа изъ волости отвѣтчика, есть ничто иное какъ отказъ въ правосудіи: отъ родовича своего отвѣтчика истецъ никогда не можетъ ожидать должнаго безпристрастія.

Однимъ уже этимъ нововведеніемъ обычный судъ былъ потрясенъ въ самомъ основаніи. Хотя въ то же время, для большаго обезпеченія правильности рѣшенія болѣе крупныхъ дѣлъ, положеніе 1867 года ограничило компетентность отдѣльных біевъ дѣлами на сумму не свыше 100 рублей ¹⁾ и установило порядокъ обжалованія рѣшеній біевъ по инстанціямъ, но не говоря уже про то, что обычный судъ не зналъ инстанцій, нужно сказать, что при наличности родовыхъ интересовъ почти во всѣхъ дѣлахъ, можно было рассчитывать на безпристрастіе волостныхъ и чрезвычайныхъ сѣздовъ біевъ не болѣе, чѣмъ на безпристрастіе біевъ единоличныхъ.

Протекло такимъ образомъ двадцать лѣтъ (1867—1887 г.). За этотъ періодъ обычный судъ хотя и продолжалъ дѣйствовать, но мѣстная администрація никогда не стѣснялась дѣлать, по крайнему своему разумѣнію, всякія исправленія и дополненія, которыя казались ей полезными и необходимыми. Можно было, при такихъ обстоятельствахъ, ожидать, что новое положеніе (12 Іюня 1886 г.) дастъ въ этой отрасли управленія нѣчто болѣе соотвѣтствующее настоящему времени и усложнившимся условіямъ киргизскаго быта. За эти двадцать лѣтъ киргизы въ своемъ развитіи хотя ушли и не Богъ вѣсть какъ далеко, но что касается собственно до ихъ судоустройства, то, помимо сложнаго вліянія времени и русскихъ порядковъ, они и сами успѣли порядочно забыть *настоящую-то* форму обычнаго суда и, конечно, разстались бы безъ сожалѣнія съ тѣмъ реформированнымъ до неузнаваемости, такъ называемымъ *народнымъ* судомъ, который существовалъ послѣднія двадцать лѣтъ.

Тѣмъ не менѣе положеніе 1886 г. ничего новаго не дало. Оно опять оставило на неопредѣленный срокъ все тотъ же „обычный судъ“, преподавъ его къ руководству лишь въ новомъ, исправленномъ и дополненномъ, изданіи и пополнивъ число инстанцій еще одной—кассационной—въ лицѣ областного суда, а къ числу

¹⁾ Для дѣлъ до 1000 р. были организованы *волостные сѣзды біевъ*, а свыше 1000 р. — *сѣзды чрезвычайные* (всѣхъ волостей).

лицъ, долженствующихъ непрестанно пещись о правильномъ ходѣ народнаго правосудія, присоединивъ всю мѣстную прокуратуру.

Въ Ташкентскомъ уѣздѣ нынѣ числится 46.400 дворовъ и кибитокъ, но изъ нихъ насчитывается не свыше 3000 кибитокъ, которыя ведутъ кочевой образъ жизни; все остальное киргизское населеніе уѣзда является не только земледѣльческимъ, но, въ большинствѣ, окончательно осѣвшимъ и прикрѣпленнымъ къ землѣ. Остающееся, сравнительно, незначительное число кочевниковъ, также стоитъ на очереди бросить пастушескую, бродячую жизнь и окончательно взяться за землю, какъ за хозяйство, болѣе обезпечивающее отъ всякихъ случайностей.

Весьма естественно, что перейдя отъ простѣйшаго вида хозяйства, заключавшагося въ выкормкѣ и продажѣ скота, къ хозяйству земледѣльческому и отчасти промышленному, киргизъ попалъ въ новыя для него экономическія и соціальныя условія. У него явились многія новыя потребности, явились другія общественныя отношенія и другіе взгляды. Земля, прежде представлявшая лишь временный интересъ, какъ пастбище, потребовала постояннаго труда и бдительнаго надзора; обработанное поле стало кормильцемъ семьи. Взамѣнъ патріархальной кибитки построена не такъ легко переносимая *курманча* (глинобитная постройка безъ оконъ); для новаго хозяйства потребовались земледѣльческія орудія и сильный рабочій скотъ. Знакомство съ базаромъ, прежде нужное только для сбыта скота, теперь потребовалось для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ.

Съ возникновеніемъ новыхъ хозяйственныхъ условій, возникли, кромѣ того, заботы объ отношеніяхъ къ сосѣду, не къ прежнему кочевнику, рядомъ пасущему скотъ, а къ сосѣду — земледѣльцу: татарину, узбеку, сарту, таджику, бухарскому еврею и русскому поселенцу. Все это неминуемо привело къ тому, что родовыя связи, съ ихъ традиціями, стали мало по малу ослабѣвать и отходить въ глубь прошедшаго, и уже извѣстно, что въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ *административныхъ* ¹⁾ аулахъ встрѣчается теперь столь смѣшанный изъ разныхъ „родовъ“ составъ населенія, что самая идея о единствѣ интересовъ рода значительно, если не совсѣмъ, утратилась.

¹⁾ Административнымъ ауломъ называется такой, который признается администраціей, т. е. имѣетъ старшину и бія; но киргизы называютъ части такого аула также аулами и даютъ имъ отъ себя особыя названія.

Современный киргизъ Ташкентскаго уѣзда большею частью совсѣмъ прикрѣпился къ землѣ. Онъ приспособляется къ запросамъ и потребностямъ рынка, онъ воздѣлываетъ продукты, приносящіе наибольшую денежную пользу и если еще недавно онъ увлекался расширеніемъ своихъ клеверныхъ (люцерна) плантацій, то теперь онъ не менѣе увлекается хлопкомъ и заразился всеобщей хлопковой горячкой. Въ мѣстностяхъ съ достаточной ирригаціей¹⁾, киргизы повально набросились на воздѣлываніе американскаго хлопка и кое-гдѣ совсѣмъ прекратили, а кое-гдѣ очень сократили посѣвы пшеницы, ячменя, льну и пр., и все ради хлопка.

Затѣмъ, благодаря переходу на земледѣльческое хозяйство, киргизы, еще до увлеченія хлопкомъ, успѣли ознакомиться съ денежными обязательствами, въ родѣ векселей, бланковыхъ надписей, поручительствъ на срокъ; хлопковая же горячка втянула ихъ окончательно въ сферу такихъ сложныхъ финансовыхъ сдѣлокъ, для обезпеченія которыхъ гарантіи обычнаго права оказались недостаточными. Однимъ словомъ, общія условія киргизской жизни такъ осложнились и, во многихъ случаяхъ, такъ отклонились отъ патріархальныхъ порядковъ древнихъ временъ, что нѣкогда все-сильный адатъ оказался несоотвѣтственнымъ потребностямъ текущаго времени, какъ бы ни регламентировать и какъ бы ни исполнять отжившія нормы обычнаго права.

Картина современной дѣятельности суда біевъ, лучше чѣмъ что либо, приводитъ къ убѣжденію въ несоотвѣтствіи настоящему состоянію киргизъ какихъ бы то ни было учрежденій, основанныхъ на обычномъ правѣ. Хотя съ 1867 года прошло уже двадцать пять лѣтъ, но все, что послѣднее положеніе (12 іюня 1886 г.) объ управленіи краемъ сочло возможнымъ измѣнить въ постановкѣ суда біевъ, касается лишь переименованія біевъ въ „народные судьи“, не считая того, что компетенція біевъ вновь уменьшена и, конечно, съ цѣлью гарантировать отъ произвола біевъ рѣшенія по болѣе важнымъ дѣламъ (прежде бѣи присуждали къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе). Но такъ какъ въ жизни такого, все таки еще весьма первобытнаго народа, какъ киргизы, неважныя и некрупныя дѣла имѣютъ значеніе—у нихъ вѣдь не бываетъ ни загадочныхъ убійствъ, ни сложныхъ гражданскихъ процессовъ,—и именно мелкія дѣла и мелкія преступленія нерѣдко подтачиваютъ благосостояніе степ-

¹⁾ Волости около Ташкента: Булатовская, Агджарская, Чиназская и др.

няка, то всѣ заботы объ уменьшеніи размѣровъ власти біевъ не имѣли и не имѣютъ вліянія на общую постановку правосудія.

Новое положеніе, оставляя, по крайней мѣрѣ по внѣшности, нетронутыми всѣ древнія основы обычнаго суда, погрѣшило тѣмъ, что не приняло въ соображеніе ни утраты обычая, ни измѣнившихся условій киргизской жизни, ни опытомъ удостовѣренной низкой нравственности правительственныхъ біевъ, ни постепеннаго ослабленія значенія присяги, на которой построены всѣ судебныя доказательства въ киргизскихъ судахъ. Самое выраженіе „судъ по обычаю“ давно сдѣлался, въ большинствѣ случаевъ, фикціей, пустымъ звукомъ. Тотъ народный судъ, который дѣйствуетъ нынѣ, судъ съ инстанціями, сроками, книгами, вмѣшательствомъ русской администраціи и проч., только смущаетъ киргиза и именно смущаетъ своею ненародностью. Когда киргизу толкуютъ, что вся эта сложная процедура заведена ради большаго обезпеченія правосудія, то онъ хотя смутно и понимаетъ это, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понимаетъ совершенно ясно, что всѣ эти гарантіи разлетаются прахомъ, если самый обычай утраченъ, если нѣтъ прежнихъ его хранителей—біевъ наслѣдственныхъ, и если современные бии не правосудны и подкупны.

Не говоря уже про времена болѣе отдаленныя, когда дѣйствовали чистый обычай, но обращаясь только къ послѣднему десятилѣтію, можно сказать, что положеніе правосудія въ киргизскихъ народныхъ судахъ за эти десять лѣтъ не имѣетъ ничего общаго даже съ тѣмъ, что когда то установила степная коммиссія, уже порядочно пошатнувшая обычай. Прежніе бии ссылались въ своихъ рѣшеніяхъ на адать—и только на адать, т. е. на старинный, нигдѣ незаписанный, устный обычай; нынѣшніе бии ссылаются и на адать и на шаріать и на русскіе законы и на административные циркуляры и, просто, на приказаніе уѣзнаго начальника. Ни въ количествѣ, ни въ разнообразіи ссылокъ у нихъ никогда нѣтъ недостатка, но за то чѣмъ больше ссылокъ, тѣмъ больше и произвола.

Чего требуетъ древній обычай, въ каждомъ данномъ случаѣ, объ этомъ даже лучшіе изъ современныхъ біевъ имѣютъ сбивчивое представленіе, такъ этотъ обычай преобразился или извратился, или просто совсѣмъ утратился, подъ вліяніемъ иныхъ условій жизни, русскихъ судебныхъ и административныхъ порядковъ,

подъ вліяніемъ сартовскихъ муллъ и особенно мусульманскихъ миссіонеровъ изъ Казанской губерніи ¹⁾).

Но это еще не такое большое зло: пусть бы себѣ древній обычай измѣнился подъ вліяніемъ условій времени и новыхъ условій жизни, но къ утратѣ обычая, замѣненнаго смѣсью изъ шаріата, адата, русскихъ законовъ и административныхъ распоряженій, присоединилась еще умственная и нравственная несостоятельность народныхъ судей и такимъ образомъ киргизскій судъ разшатанъ въ самыхъ основахъ. Сами бій теперь (какъ это было и прежде) не менѣе невѣжественны и похально безграмотны, какъ и народъ, обращающійся къ ихъ правосудію, но вмѣстѣ съ тѣмъ, современные бій уже не пользуются тѣмъ всеобщимъ уваженіемъ, которое оказывалось старымъ, наслѣдственнымъ біямъ—дѣйствительнымъ хранителямъ завѣтовъ и обычаевъ старины.

Въ то, еще сравнительно недавнее время, когда киргизы управлялись своими родоначальниками и бій никѣмъ не выбирались и не утверждались, число ихъ было ограничено извѣстнымъ кругомъ людей, всегда богатыхъ и почетныхъ, преемственно передававшихъ, отъ отца къ сыну, вѣсы правосудія. Изъ этихъ то людей вырабатывались бій дѣйствительно опытные, привычные къ отправленію судейскихъ обязанностей и настоящіе знатоки обычая. Были даже въ своемъ родѣ знаменитые киргизскіе юристы, къ правосудію которыхъ прибѣгали тяжущіеся изъ самыхъ далекихъ странъ.

Современный бій, избираемый на трехлѣтіе, беретъся прямо отъ стада или отъ сохи. Сегодня онъ какой нибудь джигитъ (верховой разсылный) при уѣздной полиціи, завтра онъ бій, судья. Теперь уже какъ рѣдкость можно встрѣтить бія почтеннаго и состоятельнаго; большинство же—это люди заурядно-бѣдные, неизвѣстные, ищущіе случая войти въ почетъ, а главное—нажить, на должности судьи, кое какія средства и нажить какъ можно скорѣе, потому что народъ не терпитъ ихъ болѣе одного трехлѣтія, безжалостно смѣняетъ ихъ и ищетъ другихъ и не находитъ.

Эти кратковременные представители народного правосудія, въ свою очередь, сознаютъ непрочность своего положенія и пользуются срокомъ своего судейства, чтобы поправить свои обстоятель-

¹⁾ Большая часть муллъ, водворившихся среди киргизъ, казанскіе татары, успѣшно распространяющіе мусульманство въ этомъ, еще такъ недавно не имѣвшемъ никакой религіи, народѣ.

ства. Мѣняясь каждое трехлѣтіе, они не успѣваютъ пріобрѣсти ни опытности, ни опредѣленныхъ пріемовъ въ судопроизводствѣ. Они уже давно не имѣютъ никакихъ хорошихъ образцовъ и въ дѣятельности своихъ предмѣстниковъ; они только торопятся скорѣе выбрать полностью свой бійлыкъ (вознагражденіе за рѣшеніе дѣлъ, до 10⁰/о съ суммы иска), торопятся получить его какъ можно скорѣе и какъ можно въ большемъ размѣрѣ.

Но важнѣе всего конечно то, что, не зная адата, они отправляютъ правосудіе не по обычаю, а по своему усмотрѣнію. Въ этомъ то усмотрѣніи и заключается вся суть современнаго адата. Вотъ нѣсколько образцовъ.

Бій аула Иске ¹⁾ на вопросъ—что положено адатомъ за кражу лошади—отвѣтилъ: взыскивается съ вора лошадь или назначается тюремное заключеніе ²⁾; впрочемъ, добавилъ бій, можно справиться въ книгѣ! На вопросъ—въ какой книгѣ—бій наивно указалъ на печатный циркуляръ мѣстной администраціи, разъясняющій порядокъ веденія бійскихъ книгъ. Другой бій (аула Культуганъ) прямо объявилъ, что адата не знаетъ, а рѣшаетъ дѣла по шаріату, хотя бій этотъ неграмотенъ и уже потому не можетъ знать шаріатскихъ, весьма многочисленныхъ книгъ. Бій аула Чокъагачъ, на простой вопросъ—дозволяетъ ли адатъ налагать присягу на истца или на отвѣтчика—отвѣтилъ лаконически: не знаю. Бій аула Акъ-Ташъ на вопросъ—какъ слѣдуетъ поступать въ искахъ о разводахъ—признался, что совсѣмъ не знаетъ какъ слѣдуетъ поступать и добавилъ, что не знаетъ даже какъ пишется рѣшеніе, потому что „мирза“ (писарь) еще не разъяснилъ ему этого.

Изъ этихъ примѣровъ уже ясно, что, независимо отъ многихъ причинъ, породившихъ произволъ въ бійскихъ рѣшеніяхъ, этотъ произволъ есть прямое и часто невольное слѣдствіе незнанія адата. Просмотрѣвъ десятокъ другой бійскихъ книгъ можно убѣдиться, что произволъ этотъ выражается или въ постановленіи рѣшеній безъ всякихъ мотивовъ и разсужденій, или въ ссылкѣ на шаріатъ, котораго ни одинъ бій не знаетъ и не можетъ знать, или, наконецъ, произволъ этотъ выражается въ нарушеніи тѣхъ еще сохранившихся въ народѣ и, такъ сказать, *всѣмъ* извѣстныхъ

¹⁾ Всѣ поименованные аулы ташкентскаго уѣзда и всѣ цитируемые случаи относятся къ 1889 году.

²⁾ Адаты вовсе не знаютъ тюремнаго заключенія.

положеній обычнаго права—напр. о взысканіи за увѣчье, пораненіе, убійство.

Наиболѣе рельефнымъ и характернымъ рисуется бійскій произволъ въ дѣлахъ о кражахъ, о побояхъ, пораненіяхъ и всякаго рода увѣчьяхъ, а также въ дѣлахъ о разводахъ.

Напримѣръ дѣла о кражахъ. По положенію 1886 года всѣ дѣла о кражахъ, исключая квалифицированныхъ, отнесены къ вѣдѣнію біевъ. Въ киргизскомъ быту мелкія кражи составляютъ повседневное явленіе и не очень озабочиваютъ безпечнаго степника, но зато копокрадство и скотокрадство, организація каковыхъ доведена до виртуозности, возбуждаютъ и энергію и дѣятельность киргиза на борьбу съ этими бичами сельскаго хозяйства. Въ искорененіи этого, по мнѣнію самаго народа, важнаго преступленія ¹⁾, заинтересовано рѣшительно все населеніе, и, по всеобщему убѣжденію, облеченные значительною властью бии могли бы много содѣйствовать къ обузданію воровъ. Еще у кочевника-скотовода кража скота не представляетъ большой важности, и если кочевники сводятъ, при случаѣ, счеты съ своими обидчиками тѣмъ же путемъ, т. е. путемъ же кражъ и почти всегда успѣваютъ подвести, во взаимныхъ счетахъ, довольно точный балансъ, но дѣло представляется совсѣмъ инымъ, когда скотъ украденъ у киргиза осѣдлаго, занимающагося земледѣліемъ. Украденый въ горячую пору полевыхъ работъ рабочій скотъ пріобрѣтаетъ самую высокую цѣнность, какъ бы онъ ни былъ плохъ самъ по себѣ. Такая покража потрясаетъ все хозяйство киргиза-земледѣльца и нерѣдко превращаетъ хозяина въ батрака или, что еще хуже, возвращаетъ его въ первобытное, т. е. кочевое состояніе.

Какое же удовлетвореніе получаетъ отъ своего народнаго судьи обиженный киргизъ-земледѣлецъ и насколько мѣры судебнаго взысканія обуздываютъ похитителей и вліяютъ на уменьшеніе скотокрадства?

Извѣстно, что бійское разбирательство, по всѣмъ вообще дѣламъ, а въ томъ числѣ и по дѣламъ воровскимъ, держится, главнымъ образомъ, на присягѣ. Присяга есть, можно сказать, фундаментъ всего судопроизводства по обычаю, но существенная особенность *обычной* присяги та, что ее принимаетъ не лицо, прямо заинтересованное въ рѣшеніи дѣла, а родственники тяжущихся и,

¹⁾ Извѣстно, что во внутренней Россіи, скотокрадство карается усиленными взысканіями, доходящими до ссылки на поселеніе.

притомъ, всегда изъ числа отдаленныхъ. Въ этомъ, между прочимъ, и выражается то единство и неразрывность интересовъ цѣлаго рода, которые были свойственны патріархальному быту киргизъ. Обратно, шаріать, не знающій никакихъ родовыхъ тенденцій, допускаетъ присягу истца и отвѣтчика только лично за себя и считаетъ достаточной отвѣтственность самого присягающаго. Всѣмъ, однако, извѣстно, что не взирая на общность родовыхъ интересовъ, такъ называемые родовичи присягаютъ за виновнаго или отвѣтчика вообще съ большею осторожностью и всегда неохотно. Киргизы это хорошо знаютъ и вотъ современные бій, очень облегчили исполненіе этой процедуры, перенеся, по примѣру шаріата, обязанность присяги на самого отвѣтчика, а по дѣламъ о кражахъ—на самого вора. Получилась такимъ образомъ такая несообразность: гарантіей для потерпѣвшаго, если только воръ не задержанъ съ поличнымъ, является степень добросовѣстности самого вора: откажется онъ отъ присяги—потерпѣвшій выигралъ, приметъ присягу—проигралъ. Затѣмъ, въ благопріятномъ даже для потерпѣвшаго случаѣ, что взыскивается съ вора? По старому обычаю, за каждую украденую голову присуждается, и непременно взыскивается съ самого виновнаго или съ цѣлаго рода—три головы. Это старинное правило однако уже давно и систематически нарушается біями. Нынѣшній бій или присуждаетъ „къ возвращенію похищеннаго“, или прибавляетъ къ этому еще „штрафъ въ пользу потерпѣвшаго“—въ 2, 5, 10, 20 тиллей ¹⁾, или, наконецъ, приговариваетъ вора къ тюремному заключенію. Почему бій примѣняетъ то, другое или третье взысканіе—онъ никогда въ своемъ рѣшеніи не объясняетъ, да и объяснить не можетъ. Ни штрафовъ въ пользу потерпѣвшаго, ни тюремнаго заключенія, ни простаго возвращенія похищеннаго, старый обычай вовсе не знаетъ и, на основаніи того же обычая, ни одинъ потерпѣвшій никогда и не домогается засадить своего обидчика въ тюрьму, а вполне довольствуется взысканіемъ трехъ головъ за одну похищенную. Но современный бій, то просто не зная, то умышленно игнорируя адатъ, примѣняется то къ русскимъ, то къ шаріатскимъ порядкамъ, а отсюда явились эти „возвращеніе похищеннаго“, „штрафы въ пользу потерпѣвшихъ“ и „тюремныя заключенія“.

Тотъ же произволъ, какъ и въ дѣлахъ о кражахъ, установился въ обширной категоріи мелкихъ и крупныхъ преступленій про-

¹⁾ Тилля—3 р. 80 к.

тивъ личности. Старый обычай позаботился съ особенною точностью опредѣлить, что слѣдуетъ за выбитіе зубовъ, поврежденіе носовъ, глазъ, переломъ рукъ или ногъ и установилъ во всѣхъ этихъ случаяхъ вознагражденіе, или такъ называемый кунъ, потерпѣвшему въ размѣрѣ 50 тиллей, а въ случаѣ окончанія дѣла миромъ—половину этой суммы ¹⁾,—между тѣмъ изъ рѣшеній народныхъ судей усматривается, что въ одномъ случаѣ бій присуждаетъ кунъ въ полной мѣрѣ, въ другомъ—треть или четверть куна или нѣсколько рублей, а въ случаѣ примиренія, присуждаетъ не половину, а произвольную часть куна, и все это дѣлается не по какимъ нибудь уважительнымъ мотивамъ, а совершенно произвольно.

Забывая или игнорируя самыя основныя правила адата, бій не стѣсняется даже сами избирать способы доказательствъ. По обычному праву требуется, чтобы истецъ представилъ доказательства въ подтвержденіе иска, а отвѣтчикъ—доказательства въ свое оправданіе. Обычное право устанавливаетъ, что при отсутствіи у отвѣтника доказательствъ, дѣло рѣшается присягою указанныхъ истцомъ почетныхъ родовичей отвѣтника; между тѣмъ изъ многихъ и многихъ рѣшеній видно, что бій, нарушая это требованіе адата, требуютъ присягу прямо отъ истца или отвѣтника, или даже ближайшихъ родственниковъ тяжущихся—отца, брата, сына что рѣшительно не допускается адатомъ.

Современный бій нерѣдко идетъ такъ далеко, что совершенно забывая, что онъ есть представитель народнаго суда *по обычаю*, прямо пишетъ въ своемъ рѣшеніи, что *рѣшаетъ дѣло по шаріату*, или, еще лучше, „по шаріату и адату“ или, наконецъ, онъ постановляетъ рѣшеніе на основаніи юридическихъ нормъ, невѣдомыхъ ни адату ни шаріату.

Вотъ нѣсколько образчиковъ безцеремоннаго отношенія біевъ къ адату.

Бій аула Акъ, разбирая дѣло о двухъ лошадяхъ и одномъ быкѣ, нѣкогда подаренныхъ, но требуемыхъ дарителемъ обратно, отказалъ истцу Исынгельды въ искѣ „за давностью“, между тѣмъ какъ обычай вообще не знаетъ никакихъ давностныхъ сроковъ и хотя допускаетъ отказъ въ разбирательствѣ „очень старыхъ дѣлъ“, но именно не дѣлаетъ этого исключенія для дѣлъ о „тамырствѣ“

¹⁾ Весьма полныя свѣдѣнія по обычному праву киргизъ, можно найти въ книгѣ Н. И. Гродекова: „Киргизы и Каракиргизы Сырь-Дарьинской области“.

(дружба, братство), къ числу которыхъ относится и дѣло киргиза Исынгельды.

Бій аула Уя, разрѣшая дѣло о двухъ краденыхъ лошадяхъ, требуетъ присягу отъ обвиняемаго Саурбаева; тотъ присягу принимаетъ и освобождается отъ обвиненія и отъ обязанности вознаграждать потерпѣвшаго. Это рѣшеніе основано на шаріатѣ, а не на адатѣ.

Съѣздъ біевъ Агджарской волости, разбирая дѣло о кражѣ двухъ верблюдовъ, отказывается истцу *„въ виду разнорѣчія свидѣтелей“*, между тѣмъ какъ адатъ совсѣмъ не знаетъ такихъ юридическихъ тонкостей и требуетъ, чтобы то или другое свидѣтельское показаніе было принято во вниманіе.

Киргизъ Бекмантаевъ искалъ съ киргиза Корсакбаева сорокъ рублей. Отвѣтчикъ заявилъ, что долгъ уже уплаченъ. Съѣздъ біевъ Булатовской волости опредѣлилъ: Корсакбаевъ, т. е. отвѣтчикъ, долженъ положить на столъ сорокъ рублей, а братъ истца, Коккузъ, приметъ присягу, что деньги не уплачены и, по исполненіи присяги, получить сорокъ рублей. Коккузъ присягу принимаетъ и деньги беретъ, между тѣмъ какъ по адату присягу долженъ принять не братъ, а одинъ изъ дальнихъ родственниковъ отвѣтчика.

Бій аула Ащи отказывается въ искѣ *„за невякою истца“* — между тѣмъ какъ адатъ ничего подобнаго не знаетъ.

Бій аула Байтюбе отказывается въ искѣ о возвращеніи двухъ верблюдовъ, потому, что отвѣтчикъ представилъ *„риваятъ“* ¹⁾, причемъ бій пишетъ, что дѣло рѣшено имъ *„по адату и по шаріату“*.

Бій аула Кескенъ постановляетъ *„заочное рѣшеніе“* о взысканіи съ Кульчикова двадцати трехъ рублей, — между тѣмъ какъ адатъ ничего не знаетъ о заочныхъ рѣшеніяхъ.

Съѣздъ біевъ Китайтюбинской волости обязываетъ отца, обвиняемаго въ кражѣ киргиза Тюрабаева, принять присягу въ томъ, что сынъ невиновенъ. Отецъ отказывается отъ присяги и на сына налагается взысканіе, между тѣмъ какъ по адату, ни отецъ, ни ближайшіе родственники обвиняемаго не только не обязаны принимать присягу, но и не допускаются къ ней.

Приведенные примѣры, кажется, достаточно убѣждаютъ въ упраздненіи адата и замѣнѣ его усмотрѣніемъ біевъ или, другими словами, полнымъ произволомъ.

¹⁾ Выписка изъ шаріатскихъ книгъ.

Если мы теперь возьмемъ дѣла о киргизскихъ разводахъ, то тутъ передъ нами развернется такая картина произвола, которая не можетъ не заставить очень таки призадуматься и надъ судьбою киргизской женщины и надъ послѣдствіями установившихся въ народныхъ судахъ порядковъ въ этой категоріи дѣлъ.

Составители проекта положенія 1867 года, исходя изъ того взгляда, что благодаря обычаямъ, выработавшимся подъ вліяніемъ многоженства и униженнаго состоянія женщинъ, возможны, въ народныхъ судахъ, рѣшенія, противныя гуманности и справедливости, признали необходимымъ (ст. 203 проекта) предоставить уѣзднымъ начальникамъ право пріостанавливать рѣшенія по бракоразводнымъ и семейнымъ дѣламъ и представлять ихъ на благоусмотрѣніе военныхъ губернаторовъ, которые и отмѣняли рѣшенія, явно несправедливыя и притѣснительныя. Послѣднее положеніе (1886 г.) — упразднило этотъ порядокъ и дѣла о разводахъ стали подсудны исключительно народнымъ судьямъ. Именно тутъ произволъ біевъ проявился съ особенною силою.

Отличительная особенность этихъ дѣлъ та, что обвинителями всегда являются женщины и съ нихъ же всегда опредѣляется денежное вознагражденіе въ пользу мужей. Виновна ли жена въ семейныхъ не порядкахъ или, просто, мужъ желаетъ развестись съ надоѣвшею ему женой, безразлично — денежное взысканіе всегда налагается на жену. Прежде, когда адаты еще на самомъ дѣлѣ были уважаемы и примѣняемы на дѣлѣ, разводъ у киргизъ былъ очень рѣдокъ и даже почти неизвѣстенъ. Теперь онъ практикуется также широко, какъ у мусульманъ вообще и, притомъ, нерѣдко по самымъ пустѣйшимъ поводамъ. Обычное право, однако, совершенно чуждо такому широкому практикованію разводовъ и даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда разводъ допускается (физическая неспособность, продолжительное отсутствіе и проч.), обычай обязывалъ біевъ и почетныхъ людей принимать мѣры къ примиренію супруговъ, что нерѣдко и удавалось. Нынѣшній бій спѣшитъ поскорѣе разобрать и покончить дѣло. Онъ спѣшитъ дать разводъ и поскорѣе получить свой бійлыкъ. Онъ вовсе не заинтересованъ въ примиреніи супруговъ уже потому, что въ случаѣ примиренія онъ не получитъ своего бійлыка и не можетъ содѣйствовать примиренію супруговъ уже потому, что не пользуется ни уваженіемъ, ни вліяніемъ.

Изъ бійскихъ рѣшеній за 1888 годъ, по Ташкентскому уѣзду,

видно, между прочимъ, слѣдующее: 1) жена жалуется на мужа за притѣсненіе. Бій даетъ ей разводъ и съ нея же взыскиваетъ, въ пользу мужа, десять тиллей; 2) мужъ заявляетъ, что не хочетъ жить съ женою. Бій даетъ разводъ ей и взыскиваетъ въ пользу мужа двадцать тиллей; 3) третье лицо захватило силою чужую жену; мужъ жалуется и бій даетъ разводъ насильно увезенной женѣ и, сверхъ того, штрафуетъ ее, въ пользу мужа, на шесть тиллей; 4) братъ требуетъ вдову своего брата, нежелающую выдти за него замужъ, и бій освобождаетъ ее отъ брака, взыскавъ четыре тилли ¹⁾; 5) жена ушла отъ мужа, обвиняя его въ неспособности къ супружеской жизни. Бій даетъ ей разводъ, но съ нея же взыскиваетъ въ пользу неспособнаго мужа сорокъ тиллей; 6) мужъ добровольно разводится съ женой, но бій, постановляя опредѣленіе о разводѣ, присуждаетъ въ пользу мужа тридцать тиллей и т. д. и т. д.; 7) жена ушла къ своему брату.... 8) жена ушла къ родителямъ... 9) мужъ заявляетъ, что жена не живетъ съ нимъ по супружески.... 10) мужъ жалуется, что не можетъ жить съ женой вслѣдствіе семейныхъ несогласій.... и т. д. и т. д.,—во всѣхъ такихъ случаяхъ бій не разбираетъ кто правъ, кто виноватъ: онъ всегда даетъ разводъ женѣ, а не мужу, и всегда взыскиваетъ въ пользу мужа нѣсколько десятковъ тиллей.

Такое безысходное положеніе киргизскихъ женъ только и можетъ быть объяснено совершеннымъ паденіемъ правильнаго обычнаго суда и замѣщеніемъ его самымъ безобразнымъ произволомъ. Что дѣлать киргизской женщинѣ при такихъ порядкахъ? Жаловаться въ съѣздъ биевъ? Но всѣ бии поддерживаютъ другъ друга! Идти къ русскимъ властямъ? Но тѣ не вступятся, или по крайней мѣрѣ, не должны вступаться въ разсмотрѣніе правильности бійскихъ рѣшеній, всегда основанныхъ (такъ это предполагается) на невѣдомомъ намъ обычѣ! И вотъ бии вполне безнаказанно собираютъ свой бійлыкъ за явно несправедливыя рѣшенія по бракоразводнымъ дѣламъ.

Самая легкость полученія развода, съ непремѣннымъ взысканіемъ съ разводимыхъ женъ въ пользу мужей, отчасти объясняется жадностью биевъ къ собиранію бійлыка. Вѣдь бійлыкъ получается только съ *присужденной* суммы; слѣдовательно, нужно непремѣнно

¹⁾ По киргизскому обычаю вдова должна выдти замужъ за брата покойнаго мужа, а въ случаѣ несогласія, вовсе не имѣетъ права выходить замужъ и остается принадлежащей всему роду.

чтонибудь присудить, нужно, значить, чтобы въ дѣлѣ непременно фигурировала какая-нибудь сумма, а потому и являются во всякомъ рѣшеніи эти десятки тиллей въ придачу къ желанному разводу. И вотъ бійлыкъ получается, такимъ образомъ, по каждому бракоразводному дѣлу, и хотя это столь же незаконно, сколько несправедливо, но бій, не стѣсняясь, продолжаютъ практиковать этотъ порядокъ и взыскиваютъ свой бійлыкъ именно съ женщинъ, а не съ мужчинъ, потому что женщины вообще не жалуются и, не зная куда обратиться, безропотно подчиняются произволу своихъ судей.

Здѣсь будетъ кстати отмѣтить, что окончательно узаконенный послѣднимъ положеніемъ (§ 226) бійлыкъ является однимъ изъ видныхъ факторовъ, воцарившагося въ киргизскихъ судахъ произвола и неправосудія. Хотя бійлыкъ существовалъ и прежде и съ этимъ видомъ судебной пошлины киргизы знакомы давно, но нынѣ онъ принялъ совсѣмъ иную форму. Престарѣлый бій, человѣкъ болѣею частью состоятельный, служилъ народу не ради бійлыка, а для почета, славы и для пріобрѣтенія вліянія въ средѣ своихъ родовичей. Онъ не нуждался въ средствахъ и, потому, никакой нормы вознагражденія за разборъ дѣлъ не существовало. Всякій платилъ сколько могъ и этотъ взносъ, нисколько не обременительный для тяжущихся, поступалъ преимущественно въ пользу бійскаго мирзы (писца). Бій нынѣшняго типа, почти всегда бѣдный и неимущій, основываетъ на полученіи бійлыка надежды на увеличеніе своего благосостоянія и пользуется, нерѣдко совершенно безпощадно, предоставленнымъ ему закономъ правомъ взимать въ бійлыкъ до 10% съ присужденной суммы. Эта десятипроцентная норма утвердилась совершенно прочно и хоть никто и не обязываетъ біевъ взимать именно десять процентовъ, но имъ полюбилась именно эта норма и о низшемъ размѣрѣ бійлыка, не взирая ни на какую бѣдность тяжущихся, почти не бываетъ рѣчи.

Ничѣмъ инымъ, какъ жадностью судей къ бійлыку, должно быть объяснено и то обстоятельство, что дѣла, кончаемыхъ примиреніемъ, становится все меньше и меньше. Вѣдь эти дѣла не доставляютъ бію никакого денежнаго вознагражденія, а потому ему и невыгодно прилагать свое усердіе къ примиренію сторонъ и къ полюбовному окончанію споровъ и исковъ. Въ своихъ рѣшеніяхъ бій, правда, никогда не забываетъ упомянуть о будто бы предложенномъ, но сторонами непринятомъ, примиреніи, но дѣлается

это только для соблюденія формальности—этого требует законъ и начальство. Вообще бій ведетъ дѣло такъ, чтобы что нибудь, но непременно присудить, такъ, чтобы можно исчислить свой бійлыкъ и только еще немногіе, наиболѣе почтенные бии, изрѣдко постановляютъ рѣшенія объ отказѣ въ искѣ по бездоказательности, но это бываетъ очень, очень рѣдко. Вотъ нѣсколько примѣровъ какъ дѣйствуютъ киргизскіе судьи, чтобы получить свой бійлыкъ.

Истецъ Кучербай заявляетъ бію аула Янкельды претензію къ роду Ямурчи о двухстахъ десятинахъ земли, коими родъ этотъ будто бы завладѣлъ. Кучербай хотъ и объясняетъ, что имѣетъ на претендуемую землю ханскій ярлыкъ, т. е. грамоту, но самого ярлыка и никакихъ другихъ документовъ не представляетъ. Тогда бій присуждаетъ Кучербаю лишь пятьдесятъ десятинъ и поступаетъ такъ только ради полученія бійлыка, потому что Кучербай искалъ не пятьдесятъ, а двѣсти десятинъ и, по обычному праву, слѣдовало или отказать въ искѣ или присудить всѣ двѣсти десятинъ. Точно также *только ради полученія бійлыка* народный судья аула Чашъ-тюбе присуждаетъ киргизу Хадырбаеву одну десятину земли, *на основаніи двухъ безприсяжныхъ свидетельскихъ показаній*, а бій аула Кадрія присуждаетъ киргизу Байдаулетову, также на основаніи двухъ безприсяжныхъ показаній, тридцать пять тилле, потому что, по народному обычаю, показанія свидѣтелей даются не иначе какъ подъ присягою и показанія безприсяжныя никакого значенія не имѣютъ. Подобныхъ примѣровъ достаточно вездѣ, гдѣ дѣйствуетъ бій.

Таковъ общій характеръ дѣятельности киргизскихъ народныхъ судей. Вся зловредность современныхъ бійскихъ тенденцій представится въ особенной ясности, если принять въ соображеніе, что бии облечены такою властью, которая и вообще-то велика, а въ виду ихъ невѣжества, подкупности и недобросовѣстности—просто громадна. По дѣламъ уголовнымъ бій имѣетъ право (§ 217), кромѣ опредѣленія вознагражденія, назначать: а) денежное взысканіе до трехсотъ рублей и б) заключеніе подъ стражу *на полтора года*. Достаточно представить себѣ полудикаго киргиза, въ роли вершителя судебъ своихъ согражданъ, чтобы ужаснуться такимъ размахомъ власти, которая даже въ рукахъ интеллигентныхъ людей возможна лишь при наличности хорошаго контроля. Между тѣмъ тутъ нѣтъ никакого контроля и были уже случаи, когда бии при-

бѣгали къ своей власти какъ къ орудію мщенія ¹⁾ и случаи эти, конечно, не единичные.

Едва ли послѣ всего сказаннаго покажется неожиданнымъ тотъ фактъ, что число бійскихъ рѣшеній годъ отъ году уменьшается и что народъ, очевидно, теряя довѣріе къ своему суду, избѣгаетъ его и, не желая ни подвергаться бійскому произволу, ни напрасно платить бійлыкъ, начинаетъ обходиться вовсе безъ бія и все чаще и чаще прибѣгаетъ къ третейскому суду или кончаетъ дѣла путемъ домашняго примиренія. Огромное, ни съ чѣмъ несообразное число киргизскихъ народныхъ судей (въ одной Сыръ-Дарьинской области ихъ до тысячи) и прежде никогда не было обременено занятіями, теперь же остается почти безъ дѣлъ. Достаточно сказать, что въ одномъ Ташкентскомъ уѣздѣ было въ 1888 году 126 народныхъ судей (при населеніи до двухсотъ тысячъ душъ) и всѣ эти 126 судей рѣшили всего на всего 618 дѣлъ, т. е. менѣе пяти дѣлъ на cadaго ²⁾.

Что сокращеніе числа бійскихъ разбирательствъ идетъ рука объ руку съ паденіемъ достоинства бійскаго суда—это видно и изъ официальныхъ данныхъ за десять лѣтъ. Съ 1875 по 1885 годъ, въ народныхъ судахъ Сыръ-Дарьинской области разрѣшено 3819 дѣлъ (въ 1875—678, а въ 1885—53 дѣла) и въ частности, въ Казалинскомъ и Церовскомъ уѣздахъ (гдѣ вовсе нѣтъ казіевъ, а только одни біи) разрѣшено за эти десять лѣтъ, въ первомъ—141, а во второмъ—195 дѣлъ, т. е. отъ 14 до 20 дѣлъ въ годъ на цѣлый уѣздъ. Такъ мало и такъ рѣдко народъ обращается къ бійскому правосудію; такъ мало, повидимому, нуждается народъ въ своемъ судѣ. Къ этому слѣдуетъ лишь добавить, что одновременно съ уменьшеніемъ числа бійскихъ рѣшеній, растетъ—и въ особенности въ послѣднее время—число жалобъ на бійское неправосудіе.

¹⁾ Киргизъ Шумановъ, за кражу верблюдовъ, былъ присужденъ къ уплатѣ 38 тиллей. Шумановъ подалъ жалобу, что бій Х... взялъ съ него, по этому дѣлу, взятку въ 57 рублей. Едва жалоба была принесена, какъ появилось рѣшеніе съѣзда волостныхъ біевъ о заключеніи Шуманова (все за ту же кражу) въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ. Дознаніе обнаружило, что бій Х..., узнавъ о жалобѣ Шуманова, немедленно сфабриковалъ дополнительное рѣшеніе и уговорилъ другихъ біевъ подписать его.

²⁾ Въ дѣйствительности эта цифра должна быть гораздо болѣе. Многія рѣшенія не записываются въ книгѣ, частью вслѣдствіе непривычки къ такимъ записямъ, частью отъ безпорядочнаго веденія книгъ, частью по безграмотности и самихъ біевъ и ихъ писцовъ, едва умѣющихъ читать и писать.

Намъ остается сдѣлать краткій выводъ изъ всего предъидущаго. Времена патріархальнаго суда, суда по обычаю, миновали. Судъ этотъ отжилъ свое время и нынѣ, когда отправленіе правосудія вездѣ поручается не только образованнымъ, но спеціально-образованнымъ людямъ, представляется явной аномаліей киргизскій пастухъ, облеченный властью, большею чѣмъ власть мирового судьи. Не будемъ оспаривать того, что съ судомъ этимъ, какъ учрежденіемъ временнымъ, еще можно было мириться до окончательнаго устройства завоеванныхъ въ Средней Азіи областей, хотя не можемъ не замѣтить, что одно уже господство родового начала, во всѣхъ киргизскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, всегда парализовало правильное функціонированіе народныхъ судовъ, что, впрочемъ, всегда и всюду признавалось самими властями. Съ тѣхъ поръ какъ Россія владѣетъ Туркестаномъ, правители края хоть и потрудились надъ ослабленіемъ родового начала, но успѣли въ томъ лишь отчасти. И донынѣ родовыя связи, родовые взгляды и интересы еще слишкомъ прочны. Разрозненные, разъединенные по разнымъ уѣздамъ и волостямъ, перемѣшанные съ другими національностями киргизы хотя и не представляютъ уже нынѣ той единой, компактной массы, какъ прежде, но духъ родовой связи еще слишкомъ крѣпокъ и проявляется не только въ большихъ дѣлахъ, гдѣ заинтересованныхъ много, но и въ дѣлахъ частныхъ и небольшихъ. Организція бійскихъ судовъ, опять надолго оставленная въ силѣ послѣднимъ туркестанскимъ положеніемъ, отнюдь не можетъ способствовать ослабленію родовыхъ симпатій и антипатій и при томъ контингентъ людей, изъ которыхъ нынѣ формируется личный составъ біевъ, трудно ожидать, чтобы когда либо правда и справедливость водворилась въ бійскихъ судахъ и получили преобладаніе надъ родовыми интересами и личными расчетами самихъ біевъ.

Патріархальный порядокъ, повторяемъ, отжилъ свой вѣкъ. Киргизы уже не прежніе номады. Они рѣшительно переходятъ на осѣдлое хозяйство, бросаютъ кочевую жизнь, тяготеютъ къ городамъ и начинаютъ въ нихъ селиться на постоянное жительство, съ азартомъ бросаясь въ торговые и промышленныя операціи и знакомясь съ роскошью и городской жизнью. Распространяющееся знакомство съ спиртными напитками также много способствуетъ паденію киргизскихъ нравовъ.

Всякія искусственныя мѣры, направленные къ поддержанію

патріархальныхъ порядковъ стариннаго киргизскаго быта, ничего кромѣ зла не могли бы принести. Не нынѣшній киргизъ, или совсѣмъ забывшій кочевыя времена или находящійся въ переходномъ состояніи, и не эти, такъ низко павшіе и потерявшіе прежнее значеніе, народные судьи, способны поддержать патріархальную простоту былой эпохи и сберечь исчезающій адатъ. Да, спрашивается, и нужно ли это? Не составлять же, въ самомъ дѣлѣ, теперь, послѣ многихъ лѣтъ пренебрежительнаго игнорированія адата, какого либо кодекса обычнаго права, или не переводить же на русскій языкъ многочисленныхъ шаріатскихъ книгъ ¹⁾ для свѣдѣнія и руководства біевъ, что могло бы лишь содѣйствовать къ вящему затемненію правосудія...

Пора, кажется, оставить и всѣ эти разсужденія „о чуждыхъ и непонятныхъ формахъ русскаго суда“, „о сложности процесса“ и т. д., ибо нынѣшнія формы киргизскаго суда равно имъ чужды и непонятны, какъ и формы русскаго суда, а процессъ, начинающійся въ кибиткѣ біа и кончающійся въ залѣ областного суда, съ участіемъ прокурора, никакъ не можетъ претендовать на простоту и несложность...

Пора отрѣшиться отъ заблужденія, что *обычный* судъ есть будто бы единственная пригодная для киргиза форма суда; пора, наконецъ, прекратить всѣ эти разговоры о какихъ-то необыкновенныхъ „мѣстныхъ особенностяхъ“, препятствующихъ, будто бы, введенію общихъ судебныхъ порядковъ. Самая, конечно, важная „мѣстная особенность“—это сильно распространяющееся между киргизами мусульманство, но если эта „особенность“ не помѣшала въ свое время подчинить общимъ судебнымъ порядкамъ ни приволжскихъ татаръ, ни прожившихъ въ мусульманствѣ цѣлыя столѣтія кавказскихъ инородцевъ, то тѣмъ болѣе она не можетъ помѣшать это сдѣлать относительно киргизъ, очень и очень еще плохихъ, нетвердыхъ и нисколько не фанатичныхъ мусульманъ. Что же касается до остатковъ когда-то дѣйствовавшаго обычая, то это не есть какая либо святыня, за сохраненіе которой народъ захотѣлъ бы постоять, и намъ думается, что во избѣжаніе дальнѣйшаго развитія кривосуда и дискредитированія русской власти, пора перейти къ обыкновенному мировому суду.

Этотъ судъ уже давно извѣстенъ киргизамъ. Съ самаго завое-

¹⁾ Мысль о переводѣ шаріатскихъ книгъ давно отвергнута на Кавказѣ.

ванія края имъ не разъ приходилось бывать въ этомъ судѣ ¹⁾; они знаютъ, что тамъ нѣтъ ни бійлыка, ни ревнителей родового начала, нѣтъ ни подкуповъ, ни взятокъ и, конечно, судъ этотъ будетъ принять ими съ полною признательностью. Даже и примѣненію обычаевъ, какъ извѣстно, законъ нашъ не препятствуетъ, лишь бы обычаи не противорѣчили общимъ законамъ.

Объ издержкахъ на введеніе мировыхъ судей едва ли слѣдуетъ говорить. Важное воспитательное значеніе правильно поставленнаго суда настолько ясно, что если бы эти издержки были и дѣйствительно велики, то и тогда нельзя бы было задумываться надъ ихъ производствомъ; но какая бы ни была сумма этихъ издержекъ, киргизскій народъ приметъ на себя не только по закону, но и по охотѣ, содержаніе мировыхъ учрежденій, и будетъ счастливъ освободиться отъ бремени бійлыка, подкуповъ и взятокъ, и особенно отъ того нравственнаго гнета, который царитъ тамъ, гдѣ на мѣсто правды и справедливости водворяется ничѣмъ не сдерживаемый произволъ.

Н. Дингельштедтъ.